

Вержбицкий К.В.

Laesa Maiestas и Auctoritas Augusti

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3145>]

[Публикация работы:]

Вержбицкий К.В. 2002: Laesa Maiestas и Auctoritas Augusti // IVS ANTIQVVM.
Древнее право. 1 (9), 151-160.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

К. В. ВЕРЖБИЦКИЙ*

LAESA MAIESTAS
И AUCTORITAS AUGUSTI

Отличительной чертой правления принцепсов из династии Юлиев-Клавдиев, по вполне обоснованному мнению некоторых современных исследователей¹, было систематическое использование террора для решения актуальных внутривластных задач. К террористическим методам управления в той или иной степени прибегали все представители династии Юлиев-Клавдиев², за исключением одного лишь Августа. Принципат наследника Юлия Цезаря представлен в источниках как время всеобщего согласия и мира, длительный период спокойствия, вклинившийся между эпохами гражданских войн и террористического режима. Не отрицая в принципе данного положения, давно ставшего традиционным, нам все же кажется возможным и даже необходимым внести некоторые коррективы в обрисованную выше картину.

Как известно, роль правовой основы механизма репрессий в императорском Риме играл закон об оскорблении величия, являвшийся продуктом длительного исторического развития. Основное внимание в настоящей статье будет уделено эволюции практики этого закона в правление Августа, когда, как мы постараемся показать, несмотря на видимость преемственности с республиканской эпохой, были созданы условия для превращения *lex maiestatis* в орудие политических преследований.

Понятие «величия» (*maiestas*) имело в жизни римской республики большое общественно-политическое значение. Сопоставление его с *imperium*, *potestas*, *dignitas* показывает, что невозможно ни идентифицировать данное понятие с какой-либо одной из этих государственно-правовых категорий, ни признать *maiestas* их суммарным выражением. Обладателями *maiestas* выступают, прежде всего, римские боги, затем *populus Romanus*, римская гражданская община (*civitas*), ее политические институты (в первую очередь сенат) и должностные лица (*magistratus*). Величием по отношению к членам своей семьи обладал и *pater familias*³. Диктаторы, консулы, народные трибуны не могли быть привлечены к суду во время пребывания в должности именно в силу *maiestas* их магистратур⁴.

Вместе с тем данная категория долгое время не имела строго фиксированного политико-правового значения, однако со временем, в период поздней Республики, *maiestas*, точнее *laesa maiestas* (оскорбление величия), начинает широко использоваться в уголовном праве⁵.

Первые *leges de maiestate* появились в конце II – начале I в. до н. э., хотя отдельные процессы об оскорблении величия случались и ранее (*Suet. Tib. 2*). Это были законы, принимавшиеся так сказать *ad hoc* и каравшие конкретные преступления, совершенные

* Вержбицкий Константин Викторович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Древней Греции и Рима исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Ковалев С. И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 504.

² Там же. С. 504 и след.

³ Kübler B. *Maiestas* // RE. Bd. XIV. 1930. Sp. 542 ff.; Drexler M. *Maiestas* // Aevum. Bd. XXX. 1956. S. 195 ff.

⁴ Портнягина И. П. Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. С. 110 и след.

⁵ Там же.

вполне определенными лицами⁶. Закон диктатора Суллы 81 г. до н. э. стал, по-видимому, первым *lex maiestatis* общего плана, определившим круг преступлений, квалифицируемых как *laesa maiestas*. В число *crimina*, наказуемых по *lex Cornelia*, входили: самовольное оставление провинции наместником и вывод войск, ведение войны и возведение на престол царей без санкции сената и народа, самовольный ввод войск в провинцию, а также, возможно, организация мятежа (*sedition*) и убийство римского магистрата (*Cic. Pro Cluen.* 97; *Ad fam.* III. 11. 2; *In Piso.* 50). Таким образом, *lex Cornelia de maiestate* подвел черту под развитием законов об оскорблении величия в предшествовавший период и стал основой для дальнейшей разработки этого понятия в аналогичных законах Цезаря и Августа⁷.

Что касается применения данного закона в эпоху Республики, то, по словам римского историка Корнелия Тацита, в те времена на основании *lex maiestatis* карали лишь тех, кто причинил ущерб войску предательством, гражданскому единству – смутами, величию римского народа – дурным управлением государством. Строго пресекая деяния, представляющие угрозу для государства и его безопасности, закон, за редким исключением⁸, не использовался для преследования за словесные высказывания и поступки, ничего общего не имеющие с реальной государственной изменой⁹.

В то же время уже в республиканскую эпоху трактовка понятия «оскорбления величия» (*laesa maiestas*) не отличалась определенностью (*Cic. Ad fam.* III. 11. 2; *De orat.* II. 107. 125), а сам закон применялся как оружие в политической борьбе соперничавшими аристократическими группировками¹⁰. На практике *lex maiestatis* всегда оказывала сильное влияние конкретная политическая ситуация, так как под величием римского народа фактически имелись в виду жизненно важные интересы тех, кто располагал реальной властью в государстве¹¹.

Тем не менее, пока обвинения в оскорблении величия были орудием одной партии против другой, пока политические дела были предметом свободного и гласного судебного разбирательства, а судьи имели возможность выносить независимые решения, словом, пока в республике сохранялась свобода, *lex maiestatis* не мог стать тем инструментом репрессий, каким он сделался впоследствии.

Крушение Республики и утверждение на руинах старого порядка режима принципата, сосредоточение громадной власти в руках одного человека не могли не отразиться на практике закона, призванного охранять существующий политический порядок, каким, по идее, был *lex maiestatis*¹². Ближайшим результатом свершившихся в римском государстве перемен стало распространение понятия величия на принцепса: закон берет под защиту особу императора.

Важно отметить, что для превращения *lex maiestatis* в закон, охраняющий, в первую очередь, персону принцепса, не требовалось вносить в него какие-либо кардинальные

⁶ Егоров А. Б. Становление и развитие системы принципата: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1991. С. 339.

⁷ Портнягина И. П. Сенат и сенаторское сословие... С. 111; Егоров А. Б. Становление и развитие... С. 132, 339 и след.

⁸ Светоний в биографии Тиберия (2) приводит пример судебного дела, имевшего место в эпоху Республики, в котором в качестве оскорбления величия фигурировали словесные высказывания. Впрочем, указанное событие имело место задолго до появления первого *lex maiestatis*, каким по традиции считается *lex Appuleia* 104/103 г. до н. э. Ср.: Kübler B. *Maiestas*. Sp. 542; Егоров А. Б. Становление и развитие... С. 339. О привлечении к суду Клавдия, сестры флотоводца Клавдия Пульхра, см. ниже.

⁹ Tac. Ann. I. 72: ... cui nomen apud veteres idem, sed alia in iudicium veniebant: si quis proditione exercitum aut plebem seditionibus, denique male gesta re publica maiestatem Populi Romani minuisset; facta augebantur, dicta impune erant.

¹⁰ Levick B. *Tiberius the politician*. L., 1976. P. 184 ff.

¹¹ Ibid.

¹² Marsh F. B. *The reign of Tiberius*. Oxford, 1931. P. 106 ff.

изменения. Вполне достаточно было простого развития тех возможностей, которые были заложены в республиканских законах об оскорблении величия¹³.

На основании *lex maiestatis* разбирались дела о заговорах против Августа. Первый из них организовал в 31 г. до н. э. Марк Эмилий Лепид, сын одного из триумвиров 43 г. до н. э. Заговор Лепида-сына был раскрыт Меценатом, исполнявшим в тот период должность префекта Рима и замешавшим Октавиана в Италии (*Tac. Ann. VI. 11*). Меценат обвинил молодого Лепида в заговоре, а его мать – в укрывательстве. Лепид был схвачен, отправлен к Августу в Акциум и там казнен (*Vell. II. 88; App. B. C. IV. 50*).

В 23 или 22 г. до н. э. за оскорбление величия были осуждены Фанний Цепион и Варрон Мурена, организовавшие новый заговор. Обвинителем Цепиона выступил не кто иной, как Тиберий, пасынок Августа и будущий император, тогда еще только начинавший свою политическую карьеру (*Vell. II. 91, 93; Suet. Aug. 19, 66; Tib. 8*).

К сожалению, состояние наших источников не позволяет датировать дело Цепиона и Мурены более точно. Восходящая к Диону Кассию (*Liv. 3. 2*) традиционная датировка процесса – 22 г. до н. э. – оспаривается рядом исследователей. Х. Дессау, М. Гельцер, Т. Аткинсон и др. отождествляют организатора заговора с консулом 23 г. до н. э. Авлом Терренцием [Варроном] Муреной, имя которого упоминается в Капитолийских Фастах (*C. I. L. I. 2. I, p. 28*), и предлагают отнести суд над ним к году его консульства¹⁴. Р. А. Бауман в специальной статье¹⁵ отстаивает правильность традиционной датировки, но, на наш взгляд, его аргументация недостаточно убедительна.

Основываясь на известии Светония о том, что обвинителем Фанния Цепиона, сообщника Мурены и бывшего легата республиканского полководца Гая Кассия, был не кто иной, как Тиберий¹⁶, Р. А. Бауман утверждает, что данный факт не мог иметь места в 23 г. до н. э., когда будущий император исполнял должность квестора. По римским процессуальным нормам магистрат не имел права выступать в роли обвинителя в *quaestio perpetua* или в сенате до истечения срока своих должностных полномочий, следовательно, заключает Р. А. Бауман, Тиберий не мог обвинять Цепиона в 23 г. до н. э. Процесс Цепиона, таким образом, должен быть отнесен к 22 г. до н. э., в соответствии с датировкой Диона Кассия. Тогда же состоялся, по его мнению, и процесс Мурены, так как невероятно, чтобы соучастник заговора, Мурена, был осужден раньше, чем республиканец Цепион, его вдохновитель и организатор¹⁷.

Однако Р. А. Бауман явно не учитывает того обстоятельства, что в случае Цепиона и Мурены речь шла об опаснейшем государственном преступлении – покушении на жизнь принцепса. Август, безусловно, был в состоянии легко обойти неудобные для него правила римского судопроизводства, и Тиберий мог так же свободно обвинять Цепиона в 23 г. до н. э., как и в 22-м.

В этой связи нельзя не упомянуть один примечательный факт, имевший место уже в правление самого Тиберия. В 24 г. н. э. к суду был привлечен Гай Силий, консул 13 г. н. э. и бывший легат Цезаря Германика (*Tac. Ann. IV. 19*)¹⁸. Обвинение в оскорблении величия против Силия было выдвинуто ординарным консулом в 24 г. н. э. Луцием Визеллием

¹³ Charlesworth M. P. *Tiberius* // CAH. Vol. X. 1934. P. 626; Bauman R. A. *Impietas in principem*. München, 1974. S. 17.

¹⁴ Gelzer M. *Iulius (Tiberius)* // RE. Bd. X. 1919. Sp. 481; Dessau H. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Bd. I. Berlin, 1928. S. 50; Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1939. P. 325, n. 5; P. 333, n. 3; Atkinson T. *Constitutional and Legal Aspects of the Trials of Marcus Primus and Varro Murena* // Historia. Bd. IX. 1960. P. 462.

¹⁵ Bauman R. A. *Tiberius and Murena* // Historia. XV. 1966. S. 420 ff.

¹⁶ Suet. Tib. 8: Fannium Caepionem, qui cum Varrone Murena in Augustum conspiraverat, reum maiestatis apud iudices fecit et condemnavit.

¹⁷ Bauman R. A. *Tiberius and Murena*. S. 420 ff.

¹⁸ Подробнее о деле Гая Силия и связанных с ним проблемах см.: Вержбицкий К. В. Из истории процессов о государственной измене (*laesa maiestas*) в эпоху ранней Империи: дело Гая Силия // Древнее право = *Ius Antiquum*. 2000. № 1 (6). С. 165 и след.

Варроном, и принцепс не только допустил находящегося в должности магистрата к участию в процессе, но и отверг требование подсудимого отложить дело до окончания консульства Варрона как совершенно необоснованное¹⁹.

Другое допущение Р. А. Баумана, что суд над Цепионом непременно должен был предшествовать процессу Мурены, также, очевидно, не принадлежит к числу обязательных. Все же было бы неверно совсем отбросить датировку Диона Кассия, так как отождествление заговорщика-Мурены с Муреной-консулом является, по существу, лишь предположением. Упомянутая выше надпись с его именем (С. I. L. I. 2. 1, р. 28) повреждена, и возможны различные варианты ее восстановления; что же касается литературных источников, то в них имя организатора заговора встречается в нескольких вариантах: Murena (*Suet. Aug.* 56, 66; *Sen. De brev. vit.* 4, 5; *De clem.* I. 9. 6); Licinius Murena (*Dio. Liv.* 3. 4); L. (Lucius) Murena (*Vell.* II. 91. 2; *Suet. Aug.* 19; *Tib.* 8; *De gramm.* 9); Варро (*Tac. Ann.* I. 10) и, наконец, Licinius (*Hor. Odes.* II. 10). Неудивительно поэтому, что не только дата и обстоятельства процесса, но даже сама личность заговорщика Мурены определяется различными исследователями неодинаково²⁰.

Возможные аргументы за и против датировки заговора и процесса Мурены 23 г. до н. э. суммирует в своей статье Д. Стоктон²¹. Взвесив все pro et contra, автор приходит к заключению, что данная проблема не имеет однозначного решения²², и, как нам кажется, налицо все основания, чтобы принять этот, в общем-то, негативный вывод. Таким образом, сделать выбор в пользу какой-либо одной из имеющихся датировок процесса Мурены не представляется возможным.

Цепион и Мурена пытались спасти свои жизни, отправившись в добровольное изгнание, но были убиты по приказу Августа (*Vell.* II. 91. 93). В современной исторической литературе вопрос о законности этой акции сделался предметом оживленной дискуссии. Он обсуждается, в частности, в статьях Б. Левик и Л. Дэли²³.

По мнению Б. Левик, убийство Мурены и Цепиона, хотя и не было должным образом юридически оформлено, следует рассматривать скорее как казнь, со всей очевидностью продемонстрировавшую, что принцепс не намерен оставлять безнаказанными людей, виновных в тяжких уголовных преступлениях²⁴. Напротив, Л. Дэли усматривает в образе действий Августа явное нарушение римского законодательства. Дело Мурены, по его мнению, является ярким примером тех циничных махинаций с законом, которые неоднократно проделывал основатель империи²⁵. Нам кажется, что последняя точка зрения, безусловно, ближе к истине. В действиях Августа по устранению Мурены и Цепиона присутствует, по крайней мере, нарушение юридического обычая, в силу которого обвиняемый мог избежать наказания, отправившись в добровольное изгнание²⁶.

Процесс Мурены и Цепиона был, по всей вероятности, самым крупным делом о *laesa maiestas* эпохи Августа, и не случайно различные обстоятельства именно этого заговора против наследника Юлия Цезаря стали предметом оживленного обсуждения в научной литературе. Из других событий подобного рода следует отметить раскрытый в 19 г. до н. э.

¹⁹ *Tac. Ann.* IV. 19: *precante reo brevem moram, dum accusator consulatu abiret, adversatus est Caesar: solitum quippe magistratibus diem privatis dicere: nec infringendum consulis ius, cuius vigiliis niteretur ne quod res publica detrimentum caperet.*

²⁰ См.: *Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit.* S. 50; *Syme R. The Roman Revolution.* P. 325 n. 5, 333 n. 3; *Idem. Tacitus.* Vol. I. Oxford, 1958. P. 366; *Grant M. From imperium to auctoritas.* Cambridge, 1946. P. 83 ff.; *Atkinson K. Constitutional and Legal Aspects of the Trials of Marcus Primus and Varro Murena.* S. 459 ff.; *Bauman R. A. Tiberius and Murena.* S. 420 ff.

²¹ *Stokton D. Primus and Murena // Historia.* Bd. XIV. 1965. S. 18 ff.

²² *Ibid.* S. 39.

²³ *Levick B. Poena Legis Maiestatis // Historia.* Bd. XXVIII. 1979. S. 361 ff.; *Daly L. Augustus and the Murder of Varro Murena (cos. 23 B. C.) // Klio.* Bd. LXVI. 1984. S. 157 ff.

²⁴ *Levick B. Poena Legis Maiestatis.* P. 373.

²⁵ *Daly L. Augustus and the Murder of Varro Murena...* P. 160, 169.

²⁶ *Strachan-Davidson J. L. Problems of the Roman Law.* Vol. II. Oxford, 1921. P. 50 ff.

заговор Эгнация Руфа, которому Август не позволил стать консулом (*Vell.* II. 91. 93; *Suet.* Aug. 19). Что касается заговоров Юла Антония, Эмилия Павла и Юлии Младшей, то они, по всей вероятности, представляли собой не более чем изолированные авантюристические попытки захвата власти²⁷, если, конечно, вообще имели место²⁸. К этому нужно добавить дело Корнелия Цинны (4 г. н. э.), закончившееся помилованием осужденного (*Sen. De clem.* I. 9. 2; *Dio.* LV. 14).

Понятие «величие» (*maiestas*) при Августе распространилось не только на персону принцепса, но и на его фамилию. Когда скандальное поведение сначала дочери, а потом и внуки вынудило Августа удалить обеих из Рима, их любовники были наказаны смертью или изгнанием, как за оскорбление величия²⁹.

Римский сенат в правление Августа, по традиции, продолжал оставаться одним из носителей *maiestas*. Более того, в этом качестве в тот период выступал не только сенат как учреждение, но и отдельные его члены. Дважды, в 8 и 6 гг. до н. э., принцепс издавал декреты о наказании лиц, сочинявших и распространявших под чужим именем памфлеты, порочившие представителей высшего сословия (*Dio.* LV. 27. 1–3; *Suet.* Aug. 55). Первым, но, возможно, не единственным автором «злонамеренных сочинений», пострадавшим от действия этих эдиктов, был Кассий Север, изгнанный за то, что в своих наглых писаниях нападал на знатных мужчин и женщин³⁰.

В том, что касается защиты чести и достоинства знатных граждан от словесных нападок, Август отнюдь не был абсолютным новатором: подобного рода законы были известны в Риме, по крайней мере, с эпохи ранней Республики. В частности, уже среди законов XII Таблиц (традиционная датировка – 451–450 гг. до н. э. (*Liv.* III. 32–37)) встречается юридическая норма, предусматривающая наказание человека, сочиняющего и распеваящего песни, в которых высмеиваются другие лица (*Cic.* *De re publ.* IV. 10. 12)³¹.

О том, что высказывания, содержащие *impietas*, могли рассматриваться как повод для судебного преследования уже в эпоху ранней Республики, свидетельствует Светоний (*Tib.* 2). Биограф Юлиев-Клавдиев и Флавиев рассказывает о том, как в 249 г. до н. э. знатная дама из рода Клавдиев, застрявшая на своей повозке в уличной толчее, пожелала вслух, чтобы воскрес ее брат, незадачливый флотоводец Клавдий Пульхр и, в очередной раз погубив корабли, поубавил бы в городе людей. За это она была обвинена в оскорблении величия римского народа³². Тем не менее, И. П. Портнягина справедливо отмечает, что Август своими декретами создал некое новое качество³³. Именно это и имел в виду Тацит, когда называл его первым, кто ввел в судебную практику наказания за *famosi libelli* и *probrosi sermones* (*Tac.* *Ann.* I. 72).

Таким образом, сфера применения закона, в республиканское время недостаточно четко определенная, в век принципата растягивается до предела: как оскорбление вели-

²⁷ Машкин Н. А. Принципат Августа. М.: Л., 1949. С. 440.

²⁸ Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 111 и след.

²⁹ *Tac.* *Ann.* III. 24: *ut valida divo Augusto in rem publicam fortuna ita domi improspere fuit ob impudicitiam filiae ac neptis quas urbe depulit adulterosque earum morte aut fuga punivit. nam culpam inter viros ac feminas vulgatam gravi nomine laesarum religionum ac violatae maiestatis appellando clementiam maiorum suasque ipse leges egrediebatur.*

³⁰ *Tac.* *Ann.* I. 72: *primus Augustus cognitionem de famosis libellis specie legis eius tractavit, commotus Cassii Severi libidine. qua viros feminasque inlustris procacibus scriptis diffamaverat...*

³¹ Судя по тяжести наказания (*poena capitalis*, т. е. смертная казнь), назначенного за данное преступление, подобным песням в ту далекую эпоху приписывался магический смысл. Считалось, что они способны нанести не только моральный, но и реальный вред тому, против кого были направлены. См.: Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998. С. 58, 538, прим. XIX.

³² *Suet.* *Tib.* 2: *... gentis eiusdem utraque Claudia fuit, et quae navem cum sacris Matris deum Idaeae obhaerentem Tiberino vado extraxit, precata propalam, ut ita demum se sequeretur, si sibi pudicitia constaret; et quae novo iudicium maiestatis apud populum mulier subiit, quod in conferta multitudo aegre procedente carpento palam optaverat, ut frater suus Pulcher revivisceret atque iterum classem amitteret, quo minor turba Romae foret.*

³³ Портнягина И. П. Сенат и сенаторское сословие... С. 123.

чия квалифицировались, например, клеветнические выпады против знатных лиц или прелюбодеяние с женщинами императорского дома. По мнению некоторых современных ученых, дела о *laesa maiestas* времени Августа дают нам примеры многих характерных черт аналогичных процессов последующего времени³⁴, однако необходимо признать, что в целом его правление отличалось редким согласием в отношениях власти и общества. Можно сказать, что судебные процессы о *laesa maiestas* при Августе являлись как раз тем исключением, которое, как известно, лишь подтверждает правило. Среди причин, способствовавших этому, следует выделить общий энтузиазм, вызванный наступлением долгожданного мира и возможностью наслаждаться его благами, конституционные соглашения 27 и 23 гг. до н. э., обеспечившие партнерство сената и принцепса, подъем национальных чувств – следствие крупных внешнеполитических успехов и, наконец, благоразумную умеренность Августа в проявлении своей власти.

Но были обстоятельства, делавшие дальнейшую перспективу весьма угрожающей. В свете рассматриваемой темы особый интерес представляют два из них. Во-первых, как известно, принципат возник в результате фактической узурпации государственной власти Октавианом в годы последовавших за смертью Юлия Цезаря гражданских войн. Август немало потрудился, чтобы придать новому режиму приемлемую конституционную форму, но, надо полагать, и он сам и его наследники, Цезари, еще долго помнили, как возникла та власть, которую они олицетворяют, и в глубине души чувствовали себя узурпаторами. Подозрительные, как всякие узурпаторы, они ревниво оберегали себя и свое положение от всех действительных и мнимых покушений. Неудивительно поэтому, что в их лице обвинители легко могли найти и нередко находили благоприятно настроенных слушателей.

Во-вторых, фактическое утверждение в Риме авторитарного режима ничуть не уменьшило остроту традиционного аристократического соперничества³⁵. В Римской республике такое соперничество принимало форму открытой борьбы группировок знати, строящихся на основе личных связей (*factiones*)³⁶. Принципат покончил с борьбой партий: сенаторы соревнуются теперь за милость принцепса, от которого во многом зависит их служебная карьера. Средством свести счеты в этой борьбе, а заодно и ускорить собственное продвижение по дороге почестей (*cursus honorum*) подчас становится политический донос.

Орудием в фракционной и клановой борьбе внутри сената обвинения сделались задолго до эпохи принципата: Катон Цензор, например, чуть ли не пятьдесят раз за свою долгую жизнь был под судом и не меньшее количество раз сам выступал в качестве обвинителя (*Plut. Cato Maior*. 15). Однако появление на политической авансцене фигуры принцепса как некоего «высшего арбитра», наделенного непререкаемым авторитетом (*auctoritas*), в корне изменило ситуацию.

Понятие *auctoritas*, обыкновенно переводимое на русский язык как авторитет, принадлежит к тому же традиционному набору римской политической терминологии, что и рассмотренное выше понятие *maiestas*, и имеет республиканские корни. В эпоху Республики термином *auctoritas* обозначалось то неформальное влияние, которым обладал сенат (*auctoritas senatus*) и его отдельные выдающиеся представители (*principes*)³⁷. Из анализа употребления указанного термина у Цицерона можно заключить, что великий оратор и его современники, говоря об *auctoritas* того или иного лица, имели в виду некое особое положение в государстве, занимаемое этим лицом в силу его личных качеств и заслуг перед отечеством. Действия, поступки, слова таких лиц, к числу которых Цицерон

³⁴ См.: Allison J. D., Clodius J. D. The *lex Iulia maiestatis* // *Latomus*. Vol. XXI. 1962. P. 711 ff.

³⁵ Starr Ch. G. Civilization and the Caesars. The Intellectual Revolution in the Roman Empire. N. Y., 1954. P. 121 ff.; Baldson J. P. V. D. The Principate of Tiberius and Gaius // *ANRW*. Bd. II. Tl. II. 1975. P. 92.

³⁶ Syme R. The Roman Revolution. P. 10 ff.

³⁷ Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 385 и след.

причислял, разумеется, и себя³⁸, приобретали особое политическое значение и могли оказывать воздействие на сограждан и civitas в целом³⁹.

В качестве спасителя Республики⁴⁰, нового основателя Вечного Города⁴¹, многократного консула и триумфатора⁴², обладателя проконсульского империя (imperium pro consule)⁴³ и пожизненной трибунской власти (tribunicia potestas)⁴⁴, Август обладал auctoritas огромной силы. В «Res gestae» император считал нужным особо подчеркнуть, что своим авторитетом он превосходил всех в государстве⁴⁵. Современные ученые, занимающиеся проблемой принципата, хотя между ними и существуют разногласия относительно характера императорской auctoritas⁴⁶, считают ее важным элементом в системе власти Августа, дополняющим и усиливающим все другие полномочия принцепса⁴⁷.

Соотношение правовых и внеправовых, экстралегальных основ власти Августа представляет сложную проблему, детальное рассмотрение которой могло бы увести нас слишком далеко от темы настоящей статьи. Поэтому мы вынуждены ограничиться самыми общими, поневоле декларативными замечаниями. Представляется, что решающее значение для конституирования принципата имела концентрация в руках Августа правовой власти, potestas и imperium⁴⁸, а в случаях, выходящих за рамки его законной компетенции, Август действовал на основании личного авторитета. Формально

³⁸ В своих речах (Phil. I. 7. 15; II. 11. 27; V. 8. 23) Цицерон не упускает случая упомянуть о собственном авторитете. Также у него встречаются упоминания об auctoritas Эмилия Лепида, Марка Брута, Гая Кассия и других лиц (Phil. V. 15. 41; XIII. 4. 8; Ad Brut. I. 15. 12; Ad fam. XII. 2. 3; 10. 4). Термином auctoritas пользуются и корреспонденты Цицерона (Ad fam. X. 21. 7), и его непримиримый враг Марк Антоний (Phil. II. 15. 37).

³⁹ Машкин Н. А. Указ соч. С. 387 и след.

⁴⁰ Эту заслугу Август приписывает себе в «Res gestae» (I. 1).

⁴¹ Претензию Октавиана быть в глазах сограждан вторым Ромулом отчетливо выразило новое имя, принятое им в 27 г. до н. э., – Imperator Caesar Augustus. О связи третьего компонента этого имени-титла (Augustus) с легендой об основании Рима см.: Gelzer M. Iulius (Augustus) // RE. Bd. X. Sp. 2369 ff.; Машкин Н. А. Указ соч. С. 383; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 90 и след.; Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 97 и след.

⁴² Светоний (Aug. 22; 26) говорит о трех триумфах и тринадцати консульствах Августа.

⁴³ С 23 г. до н. э. – imperium maius. Об изменениях в характере империя Августа см.: Syme R. The Roman revolution. P. 336. Ср.: Premenstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937. S. 231 ff.

⁴⁴ Вопрос о времени принятия Октавианом tribunicia potestas в полном объеме сделался в историографии предметом дискуссии, отражающей, в конечном счете, противоречия в наших источниках. См.: Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I. СПб., 1900. С. 85, 132 и след.; Машкин Н. А. Указ соч. С. 398 и след.; Wickert L. Princeps (civilitatis) // RE. Bd. XXII. Stuttgart, 1954. Sp. 2283 ff.; Idem. Neue Forschungen zur römische Prinzipatus // ANRW. Bd. II. Tl. I. N. Y.; Berlin, 1974. S. 73 ff.; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 94; Он же. Становление и развитие системы принципата. С. 254. Ср.: Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Leipzig, 1887. Bd. II. S. 872; Ковалев С. И. История Рима. С. 474; Ср.: Premenstein A. von. Vom Werden und Wesen... S. 266. Ср.: Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Bd. I. S. 53; Syme R. The Roman revolution. P. 336. Сам Август вел счет годам своей трибунской власти с 23 г. до н. э. (R. G. 4. 4; 15. 2).

⁴⁵ R. G. 34. 3: post id tempus auctoritate omnibus praestiti potestatis autem nihilo amplius habu[i] quam ceteri qui mihi quoque in magistratu collegae fuerunt.

⁴⁶ См.: Heinze R. Auctoritas // Hermes. Bd. LX. 1926. S. 348 ff.; Premenstein A. von. Vom Werden und Wesen... S. 186 ff., 194 ff.; Syme R. The Roman revolution. P. 322, 330, 346; Машкин Н. А. Указ. соч. С. 400 и след.; Wickert L. Princeps... Sp. 2287 ff.; Idem. Neue Forschungen... S. 74; Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats. Wiesbaden, 1962. S. 36; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 99 сл.; Он же. Становление и развитие системы принципата. С. 263 и след.

⁴⁷ Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 99 и след.; Он же. Становление и развитие системы принципата. С. 263 и след.

⁴⁸ Егоров А. Б. Рим на грани эпох. С. 100 и след.; Он же. Становление и развитие системы принципата. С. 263 и след.

не имея обязательной правовой силы, *auctoritas*, тем не менее, позволяла ему предпринимать различные политические акции. Наличие же на стороне принцепса фактора силы превращало все отданные им на основе *auctoritas* распоряжения в приказы, равнозначные тем, какие он отдавал на основании *potestas* и *imperium*: ослушавшиеся как тех, так и других могли быть принуждены к повиновению силой.

В источниках сохранились немногочисленные, но достаточно красноречивые свидетельства того, что Август использовал свой поистине огромный авторитет для оказания давления на судебные органы. В частности, Светоний рассказывает, как принцепс молча сидел на скамье для свидетелей, когда в суде слушались дела, затрагивающие интересы его друзей и клиентов⁴⁹. Подобное молчаливое присутствие вряд ли могло преследовать какую-либо другую цель, кроме воздействия на присяжных судей, без лишних напоминаний знавших, какой – оправдательный или обвинительный – приговор будет угоден Цезарю в данном случае. Правда, биограф Августа оценивает его поведение весьма высоко, но он явно находится под впечатлением того, как вели себя в похожих случаях преемники основателя Империи: уже наследник Августа, Тиберий, вмешивался в ход судебных заседаний без всякого стеснения⁵⁰.

По крайней мере однажды принцепс решил использовать свое личное присутствие для оказания давления на суд, рассматривавший дело о *laesa maiestas*. Когда в 23 г. до н. э. наместник Македонии Марк Прим был обвинен в организации несанкционированного похода против фракийского племени одриссов (*Dio. LIII. 3. 2–3*), Август по собственной инициативе явился на заседание, мотивировав свое внезапное появление государственной необходимостью⁵¹.

К тому же разряду свидетельств, с нашей точки зрения, относятся сообщения Светония о неких ночных заседаниях суда, происходивших время от времени в доме у Августа, причем сам принцепс руководил их ходом лежа в постели⁵². Наш автор, объясняющий такую манеру осуществления правосудия плохим самочувствием императора, по всей вероятности, всего лишь передает тот предлог, который выдвигал в свое оправдание сам Август. О том, что наследник Юлия Цезаря слаб здоровьем, римляне, по-видимому, были достаточно хорошо осведомлены⁵³, и потому он мог с легкостью прикрыть ссылкой на недомогание свое желание по тем или иным причинам провести заседание суда в приватной обстановке, чтобы без лишних усилий добиться нужного приговора.

Контекст сообщений Светония не позволяет определить характер судебных дел, рассматривавшихся на этих ночных заседаниях, но можно предположить, что видное

⁴⁹ *Suet. Aug. 56*: cum Asprenas Nonius artius ei iunctus causam veneficii, accusante Cassio Severo, diceret, consuluit senatum, quid officii sui putaret; cunctari enim se, ne si superesset, eripere legibus reum, sin deesset, destituere ac praedamnare amicum existimaretur; et consentientibus universis sedit in subsellis per aliquot horas, verum tacitus et ne laudatione quidem iudiciali data. Affuit et clientibus, sicut Scutario cuidam evocato quondam suo, qui postulabatur iniuriarum.

⁵⁰ *Suet. Tib. 33*: ...magistratibus pro tribunali cognoscentibus plerumque se offerebat consilium assidebatque iuxtim vel exadversum in parte primori; et si quem reorum elabi gratia rumor esset, subitus aderat iudicesque aut e plano aut e quaesitoris tribunali legum et religionis et noxae, de qua cognoscerent, admonebat.

⁵¹ Процесс Прима, по-видимому, имел политическую подоплеку, которая не до конца ясна нам из-за состояния наших источников. См.: Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб., 2001. С. 65 и след.

⁵² *Suet. Aug. 33*: ipse ius dixit assidue et in noctem nonnumquam, si parum corpore valeret lectica pro tribunali collocata, vel etiam domi cubans.

⁵³ Состоянию здоровья Августа Светоний посвящает целых три главы в его биографии (80–83), сообщая при этом такие подробности, которые показывают широкую осведомленность автора в этом вопросе. Если Светоний, работавший над «Жизнеописанием двенадцати Цезарей» много лет спустя после смерти второго из них, знал столько о его болезнях и применявшихся к нему методах лечения, то и современники Августа, очевидно, должны были располагать значительной информацией на эту тему.

место среди них занимали дела, прямо или косвенно затрагивавшие Августа и близких к нему лиц. Возможно, в некоторых из них речь могла идти о *laesa maiestas*.

Наконец, иногда, хотя и крайне редко, Август, отбросив обычный камуфляж, прибегал к откровенному давлению на судей. По словам Светония⁵⁴, в таких случаях он действовал уговорами и просьбами, однако любая просьба, исходящая от человека, командующего без малого тридцатью легионами⁵⁵, не что иное, как завуалированное приказание.

Самый образ действий принцепса в описанных выше случаях показывает, что для воздействия на органы правосудия он использовал свое личное неформальное влияние, а не какую-либо формальную власть. Как ни обширен был тот круг полномочий, который предоставляли Августу *imperium maius* и *tribunicia potestas*, возможность диктовать суду удобные ему решения все же, по-видимому, предусмотрена не была. Конечно, *tribunicia potestas* давала своему обладателю право отменить не устраивающий его приговор и даже, при необходимости, воспрепятствовать заседанию судебной комиссии (*questio*), однако злоупотребление этим правом было невыгодно по политическим соображениям. Подобные действия, напоминающие смутные времена Гракхов, в свое время использовавших силу трибунского *veto* для создания себе исключительного положения, в глазах общественного мнения выглядели бы возвратом к эпохе кризиса Республики, преодоление которого Август ставил себе в особую заслугу (R. G., I, 1; 34, 1). К счастью для него, многое из того, что было невозможно сделать на основании *potestas*, оказывалось вполне осуществимым, если задействовать личный авторитет. Эту способность *auctoritas* компенсировать недостаток формальных полномочий отмечал еще Цицерон: «*id quod nondum potestate poterat obtinuit auctoritate*» (In Piso. 4, 8).

Таким образом, в период принципата Августа исчезает одна из важнейших преград на пути превращения закона об оскорблении величия в орудие политических преследований. Периодическое вмешательство принцепса в дела судов сделало их независимость прозрачной: от судей, над которыми довлел авторитет главы государства, невозможно было требовать объективности и беспристрастности.

По-видимому, к концу правления Августа судебной инстанцией, разбирающей дела об оскорблении величия, становится сенат. Во всяком случае, именно в сенате слушались первые из известных нам дел о *laesa maiestas* при Тиберии (*Tac. Ann.*, I, 73–74; II, 27–32). Перенесение процессов об оскорблении величия из *quaestio maiestatis* в сенат не повлекло за собой дальнейших изменений юридической процедуры, поскольку правила ведения дел в *iudicium publicum* и *in senatu* в основном совпадали⁵⁶. Вместе с тем это означало, что все дела, в которых речь шла о *laesa maiestas*, берутся под непосредственный контроль принцепса, так как именно он чаще всего председательствовал на заседаниях сената, а значит, его возможности влиять на исход судебного разбирательства силой своего авторитета еще более увеличились.

Подводя итоги юридической разработки понятия *maiestas* и практики соответствующих процессов при Августе, необходимо отметить, что с формальной точки зрения они являлись всего лишь продолжением тенденций, обозначившихся в этом процессе к концу республиканской эпохи, а в некоторых своих аспектах выглядели даже как реанимация норм, действовавших в период ранней Республики. Все это, однако, было не более чем видимостью, за которой скрывался подлинный переворот в применении *lex maiestatis*, свершившийся с наступлением эры принципата. Все последствия этого переворота

⁵⁴ Suet. Aug. 56: *unum omnino e reorum numero ac ne eum quidem nisi precibus eripuit. exorato coram iudicibus accusatore, Castricius, per quem de coniuratione Murenarum cognoverat.*

⁵⁵ В результате массовой демобилизации, проведенной Августом после окончания гражданских войн, в строю были оставлены двадцать восемь легионов (Parker H. M. D. *The Roman Legions*. N. Y., 1958. P. 78 ff.). После гибели в Тевтобургском лесу трех легионов Квинтилия Вара (9 г. н. э.) их количество сократилось до двадцати пяти.

⁵⁶ См.: Mommsen Th. *Römische Staatsrecht*. Bd. I. S. 121 ff.

сказались только в эпоху преемников Августа, однако именно в его правление, лишенное, казалось бы, сколько-нибудь серьезных внутренних конфликтов, были заложены основы того механизма подавления, полное развитие которого связано с именами его наследников, принципсов-тиранов I в. н. э.: Тиберия, Калигулы, Нерона, Домициана.

K. V. VERZBITSKIJ

LAESA MAIESTAS E AUCTORITAS AUGUSTI

(RIASSUNTO)

Il ricorso sistematico al terrore per la soluzione dei problemi di politica interna fu il tratto distintivo del governo dei principi nell'epoca dei Giulio-Claudi. Sotto Augusto il concetto di *maiestas* si estende non soltanto sulla persona del principe, ma anche sulla sua *familia*.

Il concetto di *auctoritas* appartiene allo stesso complesso tradizionale della terminologia romana, come quello di *maiestas*, ed ha radici repubblicane. Augusto possedeva un'*auctoritas*, che non aveva una potenza politica, ma permetteva di svolgere diverse azioni politiche. Invece di adoperare un potere formale Augusto usava l'*auctoritas* per influenzare gli organi della giustizia. Così

l'*auctoritas* compensò la deficienza dei poteri formali; perciò durante il principato di Augusto scomparire uno dei più importanti ostacoli alla trasformazione della *lex maiestatis* in uno strumento delle persecuzioni politiche. Alla fine di questo periodo, per quanto sembra, il senato diventa l'istanza giudiziaria per esaminare le cause di *laesa maiestas*. Questo significa che tali cause erano sotto il controllo del principe e, quindi, la sua possibilità di influenzare l'esito del processo giudiziario era aumentata. In questo periodo avvenne il rivolgimento nell'applicazione della *lex maiestatis*, che più tardi si trasformò nel meccanismo della repressione.